

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

КАТЯ РУБИНА

РАССКАЗИКИ

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2012

К. Рубина.

Рассказики. — М.: Вест-Консалтинг, 2012. — 44 с.

ISBN 5-86676-076-2

Заказное издание

Книга выпущена в авторской редакции

© К. Рубина, 2012

© Союз литераторов России, идея издания, 2012

© Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2012

НЕМНОГО О СЕБЕ

Я родилась в Москве в родильном доме на улице Станиславского во второй половине прошлого века, вечером первого февраля. Батюшка мой и матушка все свое время отдавали творчеству. Матушка сделала перерыв на этот вечер. Наутро после моего рождения она отправилась в театр на репетицию, а батюшка сел за рояль сочинять музыку.

Так как моя колыбель находилась в непосредственной близости от батюшкиного инструмента, к музыке я приобщилась с самого первого дня.

Пока матушка репетировала и играла, мною занималась бабушка. Сама она уже не служила в театре, потому что была старенькая, она преподавала актерское мастерство в цирковом училище. Бабушка ходила туда три раза в неделю на репетиции, на это время меня передавали тетушке, которая, скрепя сердце, отрывалась от своей диссертации о проблемах постановки Станиславским комедии Мольера «Мнимый больной» и читала мне книжки.

Когда я немного подросла, научилась ходить и держать в руке карандаш, то начала потихоньку рисовать на всем, что под руку попадалось (обои, папины ноты, мамыны роли, бабушкины записи и листы тетушкиной диссертации). Это занятие меня очень увлекало. С тех самых пор я решила стать художником, потому что художников у нас в семье не было и надо было восполнять этот пробел. И вообще рисовать очень интересно.

В детстве у меня было три заветных мечты. Первая – чтобы меня украли цыгане, вторая – проскакать по пустыне на арабском жеребце, третья, самая потаенная, чтобы меня печатали в журналах, книжках и разнообразных альманахах, и, конечно, чтобы у меня имелась визитная карточка литератора.

Первая моя мечта не сбылась, о чем сейчас я ни капельки не жалею.

Две остальные сбылись.

Эти события показали мне, что если ты действительно чего-то хочешь и стараешься, то обязательно добьешься. А если не добился, значит, ты не старался и не очень-то и хотел.

К СЧАСТЬЮ

Сегодня я видела гения! Батюшки, матушки! Шел прямо по улице и походка и рубашка на нем – все было гениально. Наконец-то я увидела гения! Теперь жизнь у меня изменится. Наверное, к лучшему у меня все изменится. Есть такая народная примета. Встретить гения, это даже лучше, чем горбуна, и даже лучше, чем в говно вляпаться. И в соннике я читала, что если вы во сне увидите гения, то это очень хорошо, это к очень, очень хорошему.

Ой, по телевизору... Сейчас, сейчас!.. Только бы успеть, я давно хотела песенку мамонтенка на мобильник заказать. Вот, уже везение начинается, прямо она уже теперь там, в сотовом будет играть. Он так быстро шел, нет, не мамонтенок, гений этот. Я даже хорошенько не успела его рассмотреть, вижу так – идет гений, а детали, кроме рубашки и походки ничего не успела. Пойду на кухню, чаю попью и маме про этот случай хороший расскажу.

На кухне мама моя сидит, хорошая такая мама, мягкая такая, в халате с иероглифами, в синем таком халате с иероглифами. Мы маме этот халат недавно на рынке в Лужниках купили. Мы долго так ходили и ничего подходящего не видели. Халаты были, но не те, дорогие и не те и всякие. А потом вдруг этот увидели, и там такие иероглифы на синем фоне. Я смотрю там иероглиф ДЭНЬ и это очень хорошо. Я один фильм смотрела и там про китайцев что-то было, нет фильм не про китайцев, там про других было и что-то было там про китайские иероглифы. И один мужик показал иероглиф и говорит: «Это иероглиф ДЭНЬ, и он означает радость и счастье». Я больше никаких иероглифов не знаю, а этот запомнила, потому что он к счастью. На халате в Лужниках я его увидела и говорю маме: «Мамзя, давай тебе этот халат купим». И мы его купили, потому что, он и недорогой оказался.

Мама сидит за столом, и лампа горит, и на столе уже на тарелочке сыр лежит нарезанный и ветчина, и чай уже мама налила и лимон и все, как я люблю. А мама такая бело-розовая и глаза голубые и стрижка у нее такая хорошая получилась, и седина на голове у мамы белая, красивая такая, и мамзя улыбается, и хорошо так. Я бутерброд взяла, чай отпила и маме говорю:

– Мам, я сегодня на улице гения видела, это очень хорошо.

Мама спрашивает:

– А чем это хорошо?

Я говорю:

– Мам, это даже лучше, чем горбуна увидеть, это к счастью.

Мама говорит:

– Да, может быть, но я не уверена. Мне кажется это к перемене погоды.

Ой, в телевизоре реклама! Карты Таро можно заказать. Сейчас телефон запишу, давно хотела.

– Вот, мам, видишь, уже начинается! Нет, мам, к перемене погоды – это если увидишь покойник идет, а гений – это точно к счастью. Я думаю, что теперь все наладится. Больно уж примета хорошая.

НАДЕЖДА И ЛЮБОВЬ

Те, кто говорят, что не бывает любви с первого взгляда и сразу на всю жизнь, просто дураки. А можно сказать по-другому – им не повезло. Можно налить в чашку чая, закурить сигарету, скорчить умную мину и пафосно начать рассуждать: люди кидаются на все, что ни попади, а потом переживают, что ухватили не то. И какая к черту «вся жизнь» – на пять минут не хватает. Так, четыре минуты кажется что это, действительно, настоящая любовь с первого взгляда, а на пятой минуте казаться перестает.

Надежда и Любовь познакомились случайно. Это было на даче, в начале лета – зеленая трава, лютики, кашка. Ну, в общем, до ивана-чая, и, конечно, задолго до золотых шаров, астр и хризантем. Надежда была совсем юная, а Любовь постарше, даже сильно постарше.

До этой встречи у Надежды ничего не складывалось. Нельзя сказать, чтобы она была некрасива, во всяком случае, она была молода, незлобива, в меру умна, в меру общительна. Но никто никогда ей не интересовался. Однажды, правда, было, но этот случай, напротив усугубил. Это тоже произошло на даче. В то время Надежда даже еще гимназию не посещала.

Она играла на полянке, возле дома, и вдруг явился молодой человек, такой довольно симпатичный, высокий. И Надежде показалось, так что-то почудилось. А этот молодой человек, который представился Виктором, начал быстро ковать железо. Он такие слова с ходу кинул: вроде губы у Надежды, как цветки розы и еще что-то такое, в таком романтическом духе, и он сказал, что надо срочно поцеловаться.

В голове у Надежды промелькнула мысль, типа того «а почему бы и нет?»

В общем, Надежда молча подошла к Виктору и замурила глаза. Возникла такая пауза. Надежда стояла с закрытыми глазами в ожидании поцелуя. Но ничего не происходило, а когда она решила приоткрыть глаза, Виктора не было.

Надежда расстроилась, но не очень, так слегка. И она уже собралась уйти с этой полянки к себе на дачу, как вдруг явился романтический Виктор с двумя другими мальчиками. И Виктор начал жутко, омерзительно хохотать, изгибаясь всем телом, и через этот хохот он выкрикивал такие слова: «Посмотрите на эту уродину, вот губы-то раскатила, идиотка, страшилище! Ты тут всю жизнь что ли стоять будешь в ожидании поцелуев?»

Чего только в детстве ни бывает, а потом забывается и помнится только хорошее. Но это случай навсегда засел в голове у Надежды. И, в общем-то, Виктор ничего плохого ей не сделал, просто детская злая шутка, но что-то кубыц-тубыц в голове у Надежды тюкнуло и... такая обида – словами не выговоришь. И потом, в течение многих лет, бывая на даче, она боялась, как огня, что они снова встретятся.

Никогда больше она не ходила на ту злополучную полянку, а за калитку выходила с опаской – а вдруг?

К счастью больше никогда ничего подобного не происходило.

Надежда закончила гимназию. Она была очень тихая, как рыба. И в гимназии прозвище у нее была «Тихонадыша»

Гимназические годы протекали ровненько. Огорчения по мелочам – ну клякса в тетради, иногда тройка по географии, ошибка в немецком диктанте. Самое страшное – потеря учебника по французскому (кстати, после всех переживаний он нашелся). Вот, собственно говоря, и все.

Чудо случилось в лето после окончания гимназии. На даче Надежда встретила Любовь. Говоря поэтическим языком – любовь подкралась к ней на цыпочках. Любовь случайно забрела к Надежде на участок. Так все началось.

Они посмотрели друг на друга, их взгляды встретились, и что-то такое произошло. Глаза к глазам. Сердце к сердцу. Родители Надежды были поначалу категорически против.

– Это блажь, это ненадолго, зачем это тебе?

Но тут Надежда проявила не характерную для нее

твердость. Сказав: «Или-или». Имея в виду, что если Любовь не останется в доме, тогда они уйдут вместе. Родители просто закрыли на это глаза. В конце концов, единственная дочь, что можно поделаться?

Больше Надежда и Любовь никогда не расставались. В их чувстве не было вычурности, надуманности, неискренности, с годами оно только усиливалось. Настоящее глубокое чувство.

А время текло, текло, текло. И случилось все: и холод и голод, и смерть родителей, и пожар на даче, и преподавание музыки, и превращение квартиры из просторной отдельной в коммунальную, и маленькая комнатка с книжным шкафчиком, кроватью и столом, и шитье шляпок из фетра на заказ, и война, бомбежки (несколько раз они спускались на ночь в метро), и расселение коммунальной квартиры, и отдельная клетушка в Митино, правда, с личной ванной и крошечной кухней, и скудная пенсия (слава богу, много ли нам старухам надо?).

А дальше – болезнь и страх. (Доктор сказал – в лучшем случае год, ну два, что вы хотите в вашем-то возрасте?)

– Меня заберут в больницу, или умру. А Любовь? Как она без меня?

И в этих тягостных рассуждениях пришло решение.

Надежда позвонила в зоопарк. Ей сказали – привозите.

Накануне вечером у Надежды болело сердце, они даже толком ни о чем не поговорили. Надежда просто сказала: «Завтра с утра поедем, там тебе будет хорошо».

Поездка из Митина на «Баррикадную» была тяжелой.

Долго ждали автобуса, еле втиснулись. Шел снег, серое небо, слякоть, мутные стекла, сырость в глазах, толчея в метро, какая-то беспросветность, осторожно двери закрываются, не забывайте свои вещи.

– Сколько ей лет?– Вопрос сотрудника террариума смутил и даже, можно сказать, испугал Надежду.

– Она крепкая, ничем не болеет, – лепетала Надежда.

– Это я болею.

– Оставляйте. – Молодой человек достал Любовь из шляпной картонки. – Не волнуйтесь, мы о ней позаботимся. Питание, рацион, витаминные укольчики, кожа суховата.

– Да, да, – шелестела Надежда. – Спасибо, мне так будет спокойней, а как-то можно с этой сухостью бороться? Она вроде бы всегда такая была.

Сотрудник кивал – будем лечить.

– Это не болезненно?– не унималась Надежда.

– Тонкий шприц, черепахи хорошо переносят.

– Она терпеливая и вообще очень... – Надежда погладила Любовь по панцирю и, чтобы не разрыдаться быстро выскочила из террариума.

Обратной дороги она практически не помнила. В каком-то забытьи притащившись домой, Надежда рухнула на диван. Вечер прошел кое-как. Есть Надежде не хотелось. Она выпила жидкого чая, накапала валокордину и легла. Сон не шел. В темноте ей казалось, что Любовь шуршит где-то в углу комнаты. Звук был такой отчетливый, что Надежда несколько раз вставала и включала свет. Шуршание прекращалось.

Настало серое утро. Абсолютно разбитая Надежда опять налила в кружку вчерашнего чая, открыла холодильник, достала глазированный сырок. На верхней полке лежал открытый пакет зеленой фасоли «HORTEX» – любимая Любина еда.

– Туда и сразу обратно, просто взгляну, как она там устроилась. – От этой мысли на сердце у Надежды потеплело, она успокоилась и отправилась на «Баррикадную».

Легкими тихими шагами Надежда шла по террариуму.

Она сразу увидела в вольере вяло бродящую и не обращающую никакого внимания на других черепах, Любовь. Надежда наклонилась и поскребла по стеклу пальцем. Любовь повернула мордочку и, практически, вприпрыжку рванула к стеклу. Они никак не могли рассмотреть друг на друга через это проклятое стекло.

«Нет, это просто невыносимо, – думала Надежда, вытирая перчаткой слезы. – Соседки какие-то несимпатичные, время сколько, а обед им не приносят».

Поздно вечером в Митино уютно тикали часы, на плите свистел чайник, мягкий свет лучился из абажура, на тарелочке аккуратно нарезанные лежали бутерброды с сыром, в углу у стула на вышитой салфетке, как всегда стояла полная миска зеленой фасоли.

– Уколы эти от сухости кожи мы обязательно будем делать, а там и весна, одуванчики пойдут, подорожник, их с постным маслом можно, – говорила Надежда, глядя по крошечной сморщенной головке свою Любовь.

ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ

И хотя в телевизоре без конца крутят рекламу про путешествия, все равно как-то... И не то, что бы, но... И потом, денег... Ну, даже не в этом дело... Страшно. Страшно мечту испортить. Опасно все, что тебе грезилось-перегрелось увидеть воочию и разочароваться вусмерть. Страшно грезы потерять. Так посмотреть и сказать: «Ах, это оказывается вот как, боже мой, лучше бы всю жизнь спать и видеть сны». Ох уж эта настоящая реальность.

Страшно еще потому, что, увидев, уже больше никогда, никогда, а только так как там. А там, может, вообще ничего. Там, может, дырка от бублика. А ты всю жизнь думал, а теперь и думать нельзя. Потому, что все ластиком стерто, и те контуры, которые были созданы такими нечеловеческими усилиями, в буквальном, так сказать, смысле этого слова, усилиями грез и мечт всяческих, так вот все эти усилия будут псу под хвост. Наложится реальность, а усилия превратятся в пустоту, в вечное «Му». А ты-то совсем не подготовлен еще к этому «Му».

К этому готовиться всю жизнь надо. И не факт, что получится. Монахи и даосы, маги и чародеи рождаются обычными людьми и потом потихонечку так, по чайной ложечке три раза в день, доходят до этого и то не все, а те, которые упертые методисты и жаждут до жути.

Когда Зойка мне позвонила и сказала, что в Египет собирается, я просто обомлела. Я на стул плюхнулась и сразу сказать ничего не могла. Слов не было. Потом, правда, немного в себя пришла. Пока приходила в себя, пропустила кое-что из ее рассказа. Кто бы мог подумать?

Я первым делом спросила Зойку:

— А ты не боишься?

А она, так обыденно, как само собой разумеющееся:

— А чего там?

Я так подумала, про это «Му», про ластик, про магов, про то, что потом уж навряд ли и говорю:

— А мало ли что?

Зойка, видимо, уже была готова, подготовилась во всеоружии к разговору со мной, отвечает:

— Да брось ты париться! Все ездят!

— Все не все, я вот не езжу.

Тут Зойка взяла и говорит:

— Ну и плохо, нельзя на воду дуть. Нельзя вести страусиную политику! Нельзя так всего бояться! Нельзя себя

гробить и засиживаться! Надо уметь отдыхать и расслабляться. По-хорошему расслабиться и отдохнуть можно только в Египте.

Я от таких ее слов просто обалдела. Думаю: «Ничего себе!» Думаю: «Вот еще новости!» Думаю: «И откуда это у нее?»

Она в это время, пока я все это думаю, говорит:

– Чего молчишь-то?

Я говорю:

– Я не молчу, я перевариваю! – И спрашиваю ее: – Что же ты одна едешь или с Борькой?

И тут мне как снег на голову выплескиваются ее слова. Она ничтоже сумняшеся говорит:

– Я с Маринкой еду.

Я просто столбенею от таких ее слов. Я даже про концепцию забываю. Может, и хрен с ним, с «Му» этим, мало ли? Может, это вообще все пурга? Может, ничего не сотрется? Может, это все рефлексии?

Почему с Маринкой-то? Обидно, просто до ужаса, и я так думаю: «Сейчас швырну трубку и все. И пусть едет, куда хочет со своей Маринкой. Подруга лучшая называется». И опять так про себя, конечно, начинаю все прокручивать, пока она якобы оправдывается, а на самом деле, она и не оправдывается даже, а щебечет, как ни в чем, ни бывало. Я даже слушать перестала. Я вот, что себе думаю: «Интересно, когда у них с Борькой возникают проблемы, вернее, не у них с Борькой, а у нее конкретно по поводу Борьки проблемы возникают, она не Маринке звонит, она мне наяривает и по три часа все это мне проговаривает. И раскидываем мы с ней, как и что, и не по одному варианту, а еще страховочные отступные пути разбираем, чтобы ей не так обидно было. А тут – по-хорошему расслабиться можно только в Египте. И она, ну надо же, с Маринкой!»

Я тогда решила ей объяснить проблемку с «Му». Объяснить ей это просто необходимо. Во-первых, это – правда чистая, а во-вторых, это так и есть на самом деле.

Я сразу вопросик задала такой, вроде бы нейтральный, но с подвохом. Я так спокойным непринужденным тоном:

– А как же Борька? Ты что же, его здесь одного оставишь?

Борька это ее отношение к всемирной проблеме «Му». Вернее, без Борьки у нее «Му».

Задала этот коварный вопросик и самой стыдно стало.

«Вот, – думаю, – зачем я это спросила? Нехорошо это. И, даже если мне самой обидно от этой ситуации, но все-таки она моя лучшая подруга». На самом деле мне хотелось ей сказать:

– Погоди, ласточка, не лети в Египет. Останься. Конечно, тебе хочется очутиться в долине, где дремлют тапусы, где жарким песком занесены пурпурно алеющие цветы подакса, там, где с коралловым ожерельем преподносит обжигающий поцелуй ветер Трет, а Сумбрис умастил очередную мумию благовонными маслами, обложил ее блестящими жуками симорадами, натянул на нее золотые шлепанцы и обмотал вытканной полотняной материей руки и шею. Сумбрис никогда не забывает положить на усопшее лицо маску из дерева турабу с подведенными глазами, с нефритовой радужной оболочкой и агатовым зрачком. Там в мускусном дыму улыбающийся Крастикс мраморным глазом смотрит на крошечного воробья и от раскаленного песка пустыни кружится голова. Там по Нилу плывут Нафрик с Нефретиной в неудобных позах, потому, что лицо надо держать в профиль, тело анфас, а ноги, опять же в профиль. Что поделаешь, таковы порядки. И все слуги вынуждены находиться в таком же виде, с опахалами из дфар и циперуса, хотя это, кажется, тоже самое. Там плоские квадратные пруды с плоскими деревьями, потому, что на самом деле, все так и есть. Нет никакой перспективы и точек схода. Есть только одна точка выхода и на нее направлен пик усыпальницы – кубрацефон. Конечно, время боится усыпальниц, они такие страшные, такие большие, морщинистые, такие старые-престарые. Погоди, ласточка, не лети в Египет, возьми вот эти сапфиры по пятьсот каратов, из них сделаны мои глаза, и отнеси тому, кто нуждается, я сегодня хочу быть щедрой-прещедрой. Сколько есть на земле бедных, обездоленных. Возьми мои руки из чистого золота и отнеси нуждающимся. Сколько есть на земле людей, которые никогда нигде не были и не будут, сколько их сидит в вечном «Му». Погоди, ласточка, если ты улетишь в Египет, то я останусь тут одна, и мне будет очень одиноко, хотя, сколько есть на свете одиноких людей, сколько трагедий и драм.

А потом мне захотелось крикнуть, что есть силы:

– Почему с Маринкой?! Я тоже хочу в Египет!

Я хотела крикнуть: «Не улетай, ласточка!», заранее зная ответ: «Улетаю, и точка!»

Но я всего этого не сказала. Я спросила:

– Как же Борька?

А Зойка совсем даже и не обиделась. Я поняла, что по поводу Борьки она была на взводе, и случилось это, видимо, вчера, потому, что вчера мы с ней как раз не успели поговорить, а позавчера все вроде бы нормально было.

Вроде бы все было даже неплохо.

Зойка просто залаяла как-то по-лягушачьи.

Она так зарычала:

– БОООООРРРРЬКА пусть как хочет, я тоже ему не тряпка половая, между прочим, и по-хорошему выносить это не могу, потому, что это просто все уже ни в какие ворота не лезет! Я тоже, между прочим, человек, я тоже все это по-хорошему воспринимать устала!

Зойка выплеснула это и хлюпнула.

Тут мне совсем стыдно стало, что я как-то погорячилась. Я очень мягко начала задавать наводящие вопросы. Вроде таких: «А что?», «Когда?», «Что случилось?»

– Да все, как всегда, – начала Зойка уже более спокойным тоном. – Приехала к нему. Он сам звонил, приезжай, все такое. Ну, я поехала, а он, сидит у себя в квартире и вроде опять ему мать из деревни заговоренное сало прислала. Потому что он сидит у компьютера и играет, и на меня ноль внимания, видимо, опять этого чертова сала наелся. Это сто пудов. Я и так и сяк и на стол накрыла, а он не идет, потом пришел, наспех поел, сразу видно не голодный, и опять к компьютеру. А потом секс был никакой, это так всегда после этих мамкиных уловов, я уже это все проходила. Мне гадалка моя Надька на таро кинула. И точно – мать его заколдованным салом кормит. Это уже я сегодня бегала, а тогда я его ночью растолкала и говорю: «Давай по-хорошему поговорим. Вот ты так себя ведешь и не приласкаешь меня; и в компьютере; и сковородку я, по-твоему, плохо помыла; и коврик в ванной примяла. Вот ты скажи мне по-хорошему, ты много сала съел?» А он повернулся на другой бок и захрапел. Я тогда встала, вещи свои начала собирать, все-все решила забрать: и фен, и тапочки, и щетку зубную, и халатик с розочками. Он хоть и старый, но все равно, почему я должна оставлять ему свои вещи? По-хорошему, это даже стремно. Мать иногда приезжает из деревни. Сама понимает. Такси заказала, денег жалко, да и плевать. Он меня даже не проводил. Он с этого сала спит, как слон, я все это проходила. На работу приехала никакая. Написала этому придурку эсэмэску: «Долго это будет продолжаться? Не звони мне больше по-хорошему. Скажи честно, много сала съел?»

И представляешь, не звонит, полное молчание, лечит меня. Мне так заглохло, вышла покурить, слезы на глазах, еле себя сдерживаю, а тут Маринка. Она мне говорит: «Поехали в Египет, там по-хорошему можно расслабиться». Я Маринке говорю: «Какой Египет? Деньги-то на Египет этот где взять, до зарплаты не доживу. У меня каблук от сапога отваливается, паста зубная кончилась и за квартиру бог знает сколько не плачено». А Маринка говорит: «Это горящая путевка, много денег не надо, я тебе денег одолжу если что». Она на стол компьютерный отложила для Юрки. А он ведет себя, как попало, каждый день после работы квасит, по воскресеньям на «Горбушке» целыми днями ошивается, приезжает оттуда никакой, мусорное ведро даже не выносит. Перебьется без стола покамест. Она правильно все прикинула. Мы с ней поедем и по-хорошему расслабимся. По-настоящему расслабиться можно только в Египте. Зойка все это оттараторила мне, а потом: – Мы уже с Маринкой путевку купили. Маринка – молодец. И не дорого получилось, а деньги я потом ей отдам. Надо же в кое-то веки отдохнуть по-хорошему.

Я говорю, что раз такие дела, то, конечно, надо. Раз так все сложилось, то, конечно, может это судьба, может именно сейчас надо расслабиться и не париться. Я уже совершенно на Зойку не обижалась. Я думала: «Ну надо же, как все получилось, кто бы мог подумать – Зойка в Египет».

Вот мы с ней так хорошо поговорили. Я трубку положила и все думала, надо же – в Египет!

Они буквально через два дня укатили. А у нас тут снег такой повалил, такая грязь под ногами. Ветер. Я на работу в метро еду, стою в вагоне, а мысли у меня все время крутятся на тему Зойки, как она там в Египте? И вот я вижу такой яркий свет, и Зойка в центре Египта стоит и у нее такой большой факел в руке с горящей путевкой. А к ней бегут такие смуглые египтяне. И они ей говорят: «Добро пожаловать! У нас вы сможете по-хорошему расслабиться!» И сажают ее в такую повозку на двух больших колесах. На голову ей надевают такой чумовой кокошник с цветами и птицами, на шею золотое такое ожерелье. Они ей объясняют, как надо себя держать, как голову в профиль, тело анфас и ножки в золотых сандалиях так вбок чуть-чуть. А за повозкой такие красивые египтянки с голыми грудями идут с опахалами. И вот они подходят к Нилу. А на Ниле пришвартованная такая лодка стоит с молодыми гребцами, с таким палантинчиком

и один очень красивый египтянин-музыкант сидит на лютне колесной играет, такой сказочный мотив, вроде «Сон в летнюю ночь» Мендельсона, только на восточный лад, с такими загибами пентатоники. И одна такая египетская женщина, тоже очень красивая, с большим блюдом в лодке сидит. А на блюде финики – такие большие, жирные, сочные; бананы, яблоки, груши, апельсины. А рядом стоит кальян огромный золотой, и подушки шелковые лежат, и напитки, конечно же, в изогнутых восточных таких египетских кувшинах. И Зойка садится, и уже все готово к отплытию, но тут подбегает еще один очень красивый молодой египтянин, и кричит:

– Погодите, арбуз забыли!

И приносят на блюде колоссальный арбуз, разрезанный уже, такой красный, сахарный. И вот они под музыку плывут по Нилу, а вокруг пальмы раскидистые с цветами диковинными. Везде по краям лилии, орхидеи, маки красные, бабочки порхают. И приплывают они к Красному морю. А море ярко-красное, как арбуз, и кристально-прозрачное, море прямо, как рубин горит, на солнце переливается. И один гребец оставил весла и нырнул прямо в море и выплывает, а в руках у него раковина с огромной жемчужиной, потому, что не только в Индии, но и в Египте, конечно же, не счесть жемчужин в море полуденном.

А Маринку эту Зойкину я даже и представлять себе не хотела.

Хотя она, конечно, молодец – денег Зойке одолжила и эту тувьку пламенеющую прикупила. На картинке у меня только Зойка и египтяне всяческие вырисовывались и растительность диковинная, и павлины кобальтовые с изумрудными хвостами, с золотыми глазами на кончиках хвостов с малюсенькими пимпочками на головах.

Дома вечером я Кирюшке своему. Он только из института пришел, я сразу:

– Кирюш, сына моя, представляешь, тетя Зоя в Египет поехала отдыхать.

У них-то сейчас все по-другому. Он мне:

– Ну и что? Сейчас этим никого не удивишь, сейчас вся Сибирь, весь Урал и вся деревня среднерусская там побывала. Там, в Египте, все давно уже на русском языке разговаривают, это у них второй государственный.

И в комнату к себе ушел, даже обедать не стал, сказал, в институте перекусил. Ничего себе! Я на кухне сидела и как-то мне все по привычке Зойке хотелось позвонить –

лучшая моя подруга все-таки, – а Зойка-то в Египте. Ведь это даль какая, ведь это Африка, практически!

Зойка всего на неделю уехала в Египет, а мне как-то это очень долго казалось. Мне многое интересно было. Она в таких попыхах собиралась, что я даже не узнала, как у них там с Борькой разрулилось. И даже меня иногда вечерами подмывало позвонить Борьке и спросить, не звонила ли ему Зойка из Египта? Но я, конечно, себя сдерживала, мало ли что. Конечно, я ему звонить не стала. Зойка моя лучшая подруга, а тут мало ли. И я так думала, вот сегодня среда, завтра четверг, а воскресенье она уже вернется. В субботу можно на рынок сгонять, купить крабовых палочек для салата и капусты для пирожка. Она может сразу ко мне придет, и мы будем не по телефону, а на кухне и все-все с подробностями.

И особенно мне почему-то хотелось узнать (глупость это конечно, но меня это всегда интересовало!), вот там у них в Египте есть такая игра, типа наших шахмат, но там всего три клетки и три фигуры, так вот мне интересно было всегда узнать, как можно играть в игру, если всего три клетки и три фигуры? А играют точно в нее вдвоем. Это сто пудов. Я в книге видела из раскопок Тутанхамона. Там такая игра стоит на золотом столике и два стульчика напротив друг друга. И вот как же это получается, всего три клетки – это сразу мат, а в Египте, видимо, нет. Конечно это не самый глобальный вопрос в мировом аспекте, но мне очень это интересно, а никто не знает. Многих спрашивала, смеются даже, говорят: «Чушь эти три клетки – точно чушь, не может быть». А я точно видела. А если даже она не сразу ко мне придет, все-таки из Египта, то в понедельник уж обязательно. Кирюшке все не дам съесть. Я ему так скажу: «Кирюша, тетя Зоя из Египта вернулась, надо ей салата с пирожком оставить».

В этих всех переживаниях я едва дотянула до воскресенья. Все о Зойке думала, как она там в Египте? Кинула в машинку постельное белье вместе с Кирюшкиным черным носком.

Белье не испортилось, просто псивое какое-то вышло. А может, оно уже и было такое? Белье старое, и носок совсем тут не причем. Старому белью уже ничего не поможет, ни «Лоск» ни «Ваниш». Реклама это все. А вот я в музее видела ткани египетские, в которые мумии были завернуты. И до сих пор, между прочим, цвета кое-какие сохранились, и даже очень некоторые хорошо, хотя время-то прошло немеренно. Это ведь жутко

как давно было, даже представить себе трудно, еще ничего такого не было, а у них уже все было, все-все, и, видимо, моющие средства тоже были не нашим чета.

В субботу, как и планировала – на рынок. Прикупилась. Салат нарубала, пирог, все у меня уже было. Воскресенье тянулось – ужас! Кирюшка с утра утопал куда-то. Стемнело. Опять снег пошел, окна как-то запотели. Как бы только нелетная погода не случилась, сильный снег какой! Часов в десять вечера я не выдержала и позвонила Зойке домой. Трубку никто не брал. Я что-то волноваться начала. Потом за Кирюшку, его тоже долго не было. Потом Кирюшка пришел, уже совсем поздно было. Я набирала и набирала Зойке. Никто не подходил. И в тот момент, когда я уже решила на все плюнуть и позвонить Борьке, потому что я уже себе места не находила, раздался звонок в дверь. Я кинулась открывать. На пороге стояла бронзовая Зойка. Вся в слезах. И она даже говорить ничего не могла, ее прямо всю трясло. И на мой вопрос: «ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?» Она только «гунг-гунг» лепетала.

И я буквально под руки потащила ее на кухню, усадила и большую рюмку водки налила. И только говорила:

– Ты выпей, сейчас все пройдет...

Вопросов больше я не задавала. А Зойка выпила залпом рюмку и такими чудовищными глазами на меня посмотрела, такими глазами полными горя и отчаянья. Она начала с завываниями, так прерывисто быстро-быстро говорить. История эта, конечно, до того тривиальная, до того мерзко-анекдотическая, ну прямо фарс и все, типа, приезжает муж из командировки...

Ну, все по сценарию. И когда она вся такая загорелая, с подарочным кальяном и майкой заморской открыла дверь Борькиной квартиры своим ключом, типа, сюрприз, дорогой, – то внутри квартиры приключилась полная картина Репина «Не ждали». Борька с какой-то теткой на кровати. А на кухне, кто бы сомневался? – сало это поганое на столе.

Зойка, конечно же, в мгновение ока кальян об пол. Он вдребезги на плиточном полу. А майку одним махом не получилось разорвать, египетский хлопок все-таки. Только на третьем рывке майка сдалась.

В перерывах между слезами и причитаниями по поводу Борьки Зойка отвечала на мои вопросы о Египте. Я вопросы задавала, чтобы ее немного отвлечь. В Египте очень сильный ветер, прямо с лежака сдувает. В Египте ничего нет, там один песок. Пирамиды в Египте далеко.

Море в Египте, как море, только очень соленое. В Египте скука смертная и страшная грязь.

Про трехклеточную игру я стеснялась спрашивать, какие тут к шуту игры?

За окном с темно-серого неба сыпались большие хлопья снега. Было тихо. На кухне уютно горела лампа над столом, аппетитно на тарелочке лежал нетронутый пирог с капустой, салат в миске смотрел на нас гороховыми глазами. Зойка постепенно отмякала.

– Салатику что ли? – сказала она.

– И пирога сейчас тебе отрежу, – обрадовалась я.

Зойка откусила большой кусок, заела салатом, потом мы с ней выпили традиционную рюмку за нас хороших. Дальше все уже было в другом колорите.

– Кальяна жалко, – начала рассуждать Зойка. – Сала там совсем немного осталось, это я уже все проходила. Кончится сало, и вот увидишь...

– Да он завтра же тебе будет названивать, в ногах валяться, Зой...

– Майка тоже прикольная была, да и хрен с ней. А по-хорошему, в Египте было даже очень. По-хорошему, там прикольно, – начала рассуждать Зойка, затянувшись сигаретой.

Я настраивалась на рассказ, кивала, глаза заводила, типа, и?..

– Все-таки я туда приехала с температурой сорок, не очень комфортно.

– Как это? Ты мне ничего не говорила, когда это тебя так?

– Накануне, как шарахнет, я антибиотиков нажралась, жаропонижающих и рванула. Делать-то нечего, деньги-то уплачены. Отель неплохой, такой маленький, двухзвездочный, номер крошечный, но с частичным видом на море.

– Это как это «с частичным»? – поинтересовалась я.

– Кусочек моря видно было.

– А другая часть чего?

– Другая часть на задворки отеля. Там такие кошки смешные у бачков сидели, худющие, такие прямо египетские-приегипетские.

– А кормили как?

– Неплохо кормили. Я первые три дня не ела, не хотелось. А потом эта курица, что бы ей пусто было.

– Какая курица?

– В Египте они все готовят на мангале, может, прожарилась плохо, запах такой приятный был, типа куриный

шашлычок. Оказалась смерть на унитазе, рвота такая чудовищная.

– А погода как была? У нас-то видишь, что творится?

– Кстати, прохладно было. Днем в куртке и кроссовках, из моря вылезешь – зуб на зуб не попадает. А на солнце очень жарко, в первый же день обгорела. Сама отдыхаю и думаю, от чего такой озноб идет по телу, до конца расслабиться не могу? Вроде все хорошо, но неизвестно от чего температура не падает, от гриппа, живота или от обгорания? Но, ты знаешь, там, на завтрак такой йогурт подавали без всего, им спасалась, так классно. Намажешь им все тело, сразу легче. Я как-то подтянулась, фигура такая стала. – Зойка задрала кофту.

Я посмотрела на Зойкин впалый живот. Действительно, похудела жуть как.

– На экскурсии ездили?

– Поехали пирамиды смотреть. Очень интересно. Это далеко от нашего отеля, ехать часов семь по пустыне. Я одного боялась, что со своим желудком не доеду, а там просто так из автобуса не выйдешь. Удивительно, как эти автобусы несутся по пустыне – впереди и сзади сопровождение, автоматчики. Едешь, ничего не видно, песок столбом прямо до неба поднимается.

– Вы с Маринкой на экскурсию поехали?

– Да, и вот этого я, конечно, не ожидала, там я на нее в первый раз серьезно обиделась. Представляешь, едем, жарища такая, как в аду, кондиционер сломался, я прямо изо всех сил держусь, только бы доехать, а она надулась, что я с ней не общаюсь.

– А что окно приоткрыть нельзя было? Что же семь часов в душегубке сидеть?

Зойка посмотрела на меня, как на полную идиотку:

– Да ты что?! Нас сразу предупредили – окна открывать нельзя, во-первых, песком всех засыплет, во-вторых, они там все боятся, что бедуины нападут, в окна залезут и всех перестреляют. Хотя это странно. Мы их издали видели. Ничего особенного. Стоят такие, все в бежевом, и верблюды у них такие бежевые. Ну, стоят себе и стоят, хлеба не просят. Приехали на пирамиды. Вышли из автобуса, а на улице еще круче, такое пекло. Очень интересно. Пирамиды такие большие стоят, а пирамида Хеопса на ремонте. Вот это жаль. Хотелось посмотреть. Экскурсовод такой хороший попался, он нас успокоил. Он рассказал, что оказывается, там абсолютно ничего нет внутри, там полная пустота. В общем, побыли там немного, пофотографировались и назад поехали. Обратно

ночью ехали. Все спали. Обратного вообще легко добрались. А с Маринкой я больше в Египет никогда не поеду. Мы с Маринкой в прах разругались. Я же есть не могла, чего мне ходить в столовую? Я в это время в номере отдыхала – так дремала в завтрак, в обед и ужин. Вот так один раз лежу, сплю. Просыпаюсь от того, что меня кто-то по попе гладит. Смотрю, убиральщик нашего номера сидит прямо у меня на кровати, такими глазами на меня смотрит, и что-то лопочет. Я прямо растерялась. У меня все-таки температура высокая, я плохо соображаю. В это время Маринка с обеда вернулась и как на него начала орать матом. Этот убиральщик пулей вылетел из номера, а Маринка распалилась так, в раж вошла и на меня тоже орет, как подорванная. Сколько я ей потом не объясняла, что ни сном, ни духом, она все свое талдычила: «Зачем этот убиральщик магнитик “love” на холодильник нам присобачил, и что он себе думает?» А я отकुду знаю, что убиральщик себе думает? Мне по-хорошему наплевать на него и на этот магнитик. Я его даже брать с собой не стала, очень надо.

– Ты плавала по Нилу?

– По Нилу я не поехала. Это, конечно, обидно. По-хорошему мне с Маринкой не хотелось ехать, потом там все время на солнце, а мне это немного тяжело было бы. Она поехала, а я на пляже прекрасно лежала. Прикроюсь полотенцем и лежу, так хорошо! Или в номере лежу, если ветер сильный. У отеля магазинчики всякие были, я один раз прошвырнулась. Дорого в Египте все, просто жуть. Кальян вот этому купила, дорогой, жаль кальяна. Да, со всем этим, из головы вон! – Зойка помчалась в коридор, долго копалась в сумке. Наконец появилась на кухне с маленькой прозрачной пирамидкой. – Ее встряхивать надо, тогда прикольно, – сказала она, протянув мне подарок.

Я взяла пирамидку в руки. Внутри нее находился пластмассовый черный малипусенький сфинксик с выпученными глазами.

За окном все еще шел крупный снег.

«Как хорошо, что она вернулась», – подумала я, потом встряхнула пирамидку.

И поплыл внутри нее, закружился золотой песок. Он был такой густой, что сфинксик просто исчез, растворился в небытие.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Когда я вышла из дома, мороз стоял страшнейший. Не спасали ни две куртки, ни все огромное количество вещей, надетых в надежде хоть как-нибудь утеплиться.

Холод сразу проник внутрь, закрепился там и чувствовал себя прекрасно.

Я, в отличие от холода, чувствовала себя леденисто-остро и как-то безнадежно. В голове появились мысли. Такие не то чтобы мысли, а скорее помыслы: «Не вернуться ли обратно, в свою холодную квартиру, да не лечь ли под теплое синтепоновое одеяло, да не уснуть ли крепко-крепко, чтобы наконец увидеть синтепоновые сны. Я бы бродила по изумрудным полям, по стронциановым лесам под кобальтовым небом, а рядом бы протекала церулеумовая река, в которой проживает огромная рыба СУТЬ, и она бы вдруг выплыла на берег и посмотрела на меня своими старыми-престарыми глазами и, конечно же, промолвила бы человеческим голосом:

– Welcome to Our country!

Или просто, по-русски сказала бы мне:

– Приветствую тебя, дитя. У нас, в нашей стране все немного странно, но, в общем, очень миленько, без особых претензий, а главное всегда.

И меня, конечно бы это очень обрадовало, потому, что я давно хотела посетить синтепоновую страну. И, как говорится, добраться до этой рыбы. Очень мне хотелось с ней познакомиться. Я не говорю познать, или еще что. Этого не надо. Но так, поздороваться и если будет возможность – легкая, непринужденная беседа. Ну, если даже без знакомства и беседы, просто в глаза ей взглянуть.

Читая о синтепоновой стране в малом географическом атласе, я находила массу заманчивых вещей. Особенно меня прельщала последняя строка. В стране нет ни одной достопримечательности, иностранные туристы страну не посещают. Нет ни одной достопримечательности, извините, а говорящая рыба СУТЬ? В атласе ничего не было сказано про рыбу. Может быть, составители этого атласа не считали ее достопримечательностью? А может, они просто не знали об ее существовании, а может быть, она только что родилась, хотя на вид ей было лет пятьсот. Такое бывает. Только родится кто-нибудь, а на вид ему уже лет пятьсот, а на ощупь и того больше, а заговорит – кажется, может, и тысяча.

Как-то я отвлеклась, задумалась и про мороз забыла, а он про меня совсем не забыл. Вцепился в нос и так больно начал щипать, что слезы из глаз потекли. Небо было очень ясное, что и не удивительно. При морозе всегда такое ясное небо. И если небо было бы в тучках, и моросил, к примеру, мелкий дождичек, то, что это было бы?

Это не была бы классическая рождественская ночь. Может, кости так не мерзли, но классики не было бы. А это совсем неинтересно. Я люблю классику, чтобы все по правилам, как положено, чтобы если ночь перед Рождеством, то обязательно: «Зимняя, ясная ночь наступила; глянули звезды; месяц величаво поднялся на небо по светить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа».

Планы мои были таковы, всеми правдами и неправдами добраться до места назначения, а именно, до китайского чайного клуба.

Дело было так. Накануне я заглянула на Крымскую набережную в галерею «Шлюз». Валя и Алиса после тяжелых новогодних праздников сидели несколько помятые и чуточку вялые и размеренно рассуждали, что Рождество, в принципе, праздник тихий и спокойно-умиротворенный. На Рождество, не рекомендуется напиваться, как зверям, и в бессознательном состоянии танцевать языческие танцы.

Мы начали обсуждать, как бы нам тихо отметить этот славный праздник и себе вреда не нанести и вместе с тем получить рождественское удовольствие. Алиса предложила пойти в чайный клуб. Там, по ее словам, мы могли бы сразу трех зайцев убить. Во-первых, чайку китайского попить, полезно для здоровья, во-вторых, посмотреть что там за интерьеры и какие картинки висят, полезно для Валиного и Алисиного бизнеса, и, в-третьих, что самое приятное, в этот праздничный вечер, там будет «вертеп». Представление дают их друзья – кукольники. Это полезно во всех отношениях. Мы посоветовались еще минуты полторы и решили пойти.

Морозным январским вечером я шла к китайскому клубу, преодолевая все невзгоды погоды, предвкушая праздник и согревая себя надеждой отведать чая изысканного. Конечно, сразу же возникли ассоциации, связанные с Китаем: то, что в Китае все люди китайцы, и император. Это всегда номер один и тут уже ничего не поделаешь. О Китае всегда так. У нас первым делом – Андерсен, воспитание у нас такое. Еще вспомнилось старинно-

китайское: «Зачем это вы в ночную рань совсем, совсем одна бежите сиротливо?» Пу Сун Лин. Люблю его с детства. Никогда не могла отчетливо представить этого человека. Он как-то представляется просто китайцем и не очень молодым и не очень старым, а таким, средним и не толстым и не худым, но улыбчивым и едким и очень привлекательным и обаятельным. Портрета его нет, биографии нет, жил на стыке двух династий Минской и Цинской. Как-будто это о чем-то мне говорит.

Там, в Китае все так сложно и так неопределенно, у нас-то сложно, а у них просто очень сложно. И сначала, вроде, кажется, что-то там понимаешь. А через минуту, что вообще ничегошеньки не понимаешь. Совсем, совсем ничего, абсолютно. Но это не страшно, не обязательно понимать, надо просто чувствовать и тогда, вроде бы становится легче. Говоришь себе: «Да, я ничего не понимаю, но чувствую кое-что», и легче как-то.

Он, Пу Сун Лин, был вечным студентом, как Петя Трофимов и тоже как П. Т. был романтиком и мечтателем. Это мне нравится. А рассказы его... О-о-о-о-о-о! Ради его рассказов можно в день нашего Рождества пойти в китайский чайный клуб, чайку попить, только из уважения к этому писателю, к этому выдумщику и приколисту, как теперь модно говорить, к этому поэту и все такое. Вот я и шла. Вот я шла, шла, шла и, наконец-то пришла, с трудом клуб нашла, по железной лестнице, покрытой толстым слоем скользкого-прискользкого льда поднялась на второй этаж и замерзшей ручкой вцепилась в замершую ручку входной двери, с трудом открыв ее.

В это время мне так себя вдруг жалко стало! Бывает так – вдруг ни с того ни сего зажалеешь себя, вроде бы все в порядке, и нет повода для жалости, а жалко как-то... Закрались внутрь сомнения, и хотя я очень люблю Пу Сун Лина, но не зря ли я пришла в день праздника, так скажем, совсем иного в непонятный мне клуб?

В раздевалке мне выдали тапочки. Я совсем напряглась, но тут из залы выглянула Валя и так бодренько защелкала: «Тут еще одна девушка должна к нам присоединиться», – и сразу же увидела меня, засмеялась. Мне полегчало. Я вошла в помещение для питья чая. Все лежали на подушках и что-то отхлебывали из мензурок. Валя и Люля тоже сидели на подушках. Алисы не было.

– Алиска так сегодня в «Шлюзе» упарилась, что нешмагла, – сказала Валя.

Девчонки уже, оказывается, заказали чайку. Такого обычного чаю для тысячелетнего процветания и преоб-

ладания над всем. Мы сидели и ждали, когда же принесут это чудо. Наконец к нам подошла девушка с подносом, встала перед нами на колени, и начался сложный культурно-развлекательный процесс по поводу чая.

Мы вместе с девушкой нюхали чай, смотрели, как она переливает что-то водянистое из одной посуды в другую. Потом потихоньку пили это. Вода-водой, абсолютно невкусно, ну ни капельки.

К чаю, в китайском клубе ничего не полагалось. Ни тебе варенья, ни мармеладу, ни сушечки. Странно... У Пу Сун Лина я читала про всякие всякости, которыми к чаю угощали, и, надо сказать, рассчитывала, на что-нибудь в этом роде. Ну, нет так нет – стали пить теплую воду и болтать. Постепенно отогреваясь, мы с Валею начали хихикать и веселиться. Тут к нам подошел, как это в Китае называется, «человек в синем» – прислужник, и так сурово начал выговаривать: «Нельзя в чайной смеяться».

Вот оказывается новости! У Пу Сун Лина обычно все очень громко смеялись и танцевали, и черти что вытворяли даже. Эти, устроители, наверное, его книг не читали и не знали, что в Китае очень даже любят посмеяться и тому подобное. Они почему-то подумали, что чайный клуб – это что-то, типа, на похоронах надо сидеть с платочком, воду попивать и, чтобы слезы падали в чашечку. Ну, мы смеялись все равно, мало ли что, праздник ведь, и потом – что еще делать? Потом мы еще долго смеялись, когда счет принесли. Сумма там смешная была. На такие деньги можно скромный банкет человек на пять дома организовать, с шашлыком и там всякими другими штуками. Ну, да ладно.

Время уже подходило к полуночи и мы, захватив с собой подушки, перешли в другую залу. Начинаясь вертеп. Кукольники зажгли свечи и открыли ящики вертепа.

Тут, как в учебнике русского языка, у меня сразу возникло восклицательное предложение: «Что за чудо этот вертеп!» И сразу же второе: «Что за диво дивное!» Я даже забыла, в какой уморительной ситуации нахожусь – на Рождество, в китайском чайном клубе, лежа на подушке с рюмкой теплой воды. И смеяться нельзя, да я забыла про все. Я глядела в деревянный ящик, украшенный тряпками и блестящей фольгой. Смотрела не картонную Марию и малепушенького младенца Христа, волхвов, Ирода и всех, всех и мне было хорошо. Время пропало. Не ощущалось совсем, было только пространство и действие.

Кукольники погасили огоньки в вертепе и закрыли

ящички. Мы все притихли и даже чай перестали отхлебывать. Возникла возвышенная пауза. У меня внутри что-то шептало: «ХО-РО-ШО-ТО-КАК, КАК-ХО-РО-ШО-ТО» и т. д.

И полились из меня «поэзии потоки», и стали выстраиваться «в лирические томики». И вдруг Пу Сун Лин выиграл во мне с такой силой! Местность китайская, что ли подействовала, а может чай, или еще что.

Трудно как-то ассоциативный ряд выстроить.

Там у него, у Пу Сун Лиина, один рассказ мне в душу запал. Влюбленным негде было встречаться, ну никакой возможности у них не было. У него жилплощади свободной не было, жил с матерью, женой и десятью детьми, а она вообще работала танцовщицей и любимой наложницей при дворе китайского императора. Вот ситуация. И это могло бы превратиться в трагедию и в полную безысходность и даже с летальным исходом, или с нервным, чьим-нибудь срывом.

Но вдруг, – так это внезапно и совсем неожиданно бывает, – один очень старый и вместе с тем очень добрый Даос, то есть волшебник по-нашему, представляет им чуждое место для встреч, не исключено и совместное проживание – свой халат. Вернее даже не весь халат, а его рукав. Влюбленные перебираются в рукав и начинают там жить-поживать, любить друг друга до умопомрачения, стихи писать по очереди. Вот он напишет ей стишок, типа, «Я встретил вас...» А она: «Наверно ми-и-и-лый мой идет...» И так постоянно. Жизнь их счастливо сложилась в рукаве халата, несмотря на, казалось, странность и нелепость этой ситуации. А как они там, в рукаве смеялись порой, даже Даос их иногда одергивал – слегка рукавом мотал или потрясал, но так по-интеллигентному, без всяких замечаний, просто халат поправлял и все.

В зале уже никого не было. Кукольники завязывали и упаковывали вертеп.

Валя и Люля, уже одетые, заглянули в комнату:

– Ну, что?

Я сдала тапочки, надела свои две куртки. Вот мы уже на морозе. Валя говорит:

– Я больше к ним никогда не пойду, они мне резко не понравились (имея в виду китайский клуб). А ребята – очень хорошо (это про кукольников).

Люля говорит:

– И я тоже низашто, у них вообще не кормят, напрочь. Я лучше в тайский ресторан буду ходить. Там за те же

деньги суп с гребешками подают. – И еще добавила: – В такие клубы ходить, только нервы трепать, и смеяться нельзя, чушь какая-то.

Я говорю:

– Я тоже к ним ни за какие коврижки. Я дома, лучше чайку попью, с бутербродом с сыром. Вот так попью, попью, и спать лягу.

Мы быстро побежали к метро. Из церкви раздавался колокольный звон. Блескучие звезды, холодное черное небо, скрипучий, по всем морозным правилам, снег, под ногами – очень скользкий (обычное дело) лед.

У метро мы распрощались с подругами. Я постояла на морозе, выкурила сигарету. В клубе еще и курить нельзя было, и везде по стенкам были развешены таблички, якобы выдержки из Конфуция, такого плана: «КУРИТЬ-ЗДОРОВЬЮВРЕДИТЬ». И еще: «ЛУЧШЕЧАЙПИТЬЧЕМКУРИТЬ». Сомневаюсь, что Конфуций это говорил.

Спускалась по эскалатору в гордом одиночестве. В вагоне, в самом его конце, сидел пожилой дядя с портфелем и пакетиками. «Куда несешься ты, в рождественскую ночь с портфелем и пакетами?» – сразу возник поэтически-китайский слог. Мне было интересно, куда с портфелем. Портфель старый, тех еще времен. Застежки одной нет, вернее застежка есть, а бумбочки, в которую застежка вставляется, нет. И тут дядя встает и идет к двери, а портфель расстегивается и из него (из портфеля, не из дяди) бумажка выпархивает. А он к выходу идет, и дверь уже раскрылась и я ему кричу:

– МУЖЧИ-И-И-НА, у вас из портфеля бумажка выпала!

А тут объявляют:

– Следующая станция «Театральная».

И он не слышит и уже по перрону идет, и дверь уже закрылась, и портфель у него расстегнут, и пакетики со всех сторон торчат. Я держу в руках бумажку и думаю: «Нет, нет, нет, не сейчас, а то неинтересно. А потом, когда суп с котом, а попозже, когда в руках вожжи, а через часок, услышу голосок» и засунула бумажку в сумку.

Ночью, лежа под своим теплым синтепоновым одеялом я погружалась в первый полусон. И вдруг мысль-молния – БУМАЖКА! Босьяком вышла в коридор, зажгла свет, достала бумагу из сумки, читаю стоя, а зря.

«...этапе, проводя многолетние исследования и научные плановые разработки. С абсолютной уверенностью можно смело констатировать.

Рыба «Суть» – является трансцендентной сущностью.

Изучение и дальнейшее исследование проблемы считаю бесперспективным.

Профессор Пусунлинов».

ЧАЙКИ

Ну вот, наконец-то, я кое-что начала понимать в Чехове. Слава тебе, господи. Вот пьеса «Чайка» эта. Она всегда была для меня загадкой, тер-инкогнито, типа. А теперь я практически все понимаю.

Вот имеются мама и сын. Мама такая великая актриса, а сын уже вырос и стал такой нонконформист. Он хочет, чтобы все им восхищались, а она, чтобы ею. Это очень для меня понятно. А Нина – подруга сына, такая вся из себя, ей хочется чего-то большего, любви и всякого такого. Что тут непонятного? Вот Нина влюбляется в известного писателя, который проживает с мамой ее друга нонконформиста и бросает сына мамы. Тут тоже все ясно, как день.

Теперь такая складывается ситуация. Она, Нина бросила юное дарование, а известный писатель бросает ее. Поматросил так, и бросил. Она стала чайкой, но любовь к писателю у нее из-за этого не прошла. Также бывает.

Вот у меня есть приятельница Нинка. У нее вышла другая история. Нинка моя, как и Нинка чеховская, влюбилась в писателя. Только моя Нинка влюбилась в начинающего. Он все время начинал, хотя в его возрасте можно было бы и продолжить. Нинкин писатель был тоже нонконформист.

Нравится мне это слово, прямо до ужаса. Напишешь такое слово, сама себя начинаешь уважать. Так вот, Нинка моя – девушка из приличной семьи, милая такая девчонка. Пишет стихи такие про веточки с почками и поле с дорогой, но без пошлости, такие неплохие стихи, неброские, но трогательные. И улыбка у нее мягкая и глаза добрые. И в жизни ей не хватало нонконформизма. Бывало, звонит мне по телефону и сквозь слезы так: «Хочется общения с нестандартностью!»

Когда человеку чего-нибудь хочется очень-очень, то в результате он это получает. Так случилось и с моей Ниной, и с Ниной чеховской. Нина чеховская хотела быть при творчестве и любить. Все это, как говорить, она поимела. Наша Нина хотела нонконформистской любви при творчестве и тоже это получила. Теперь так – Треплев чеховский хотел нового неформального творчества плюс

любви. Ему тоже все это досталось. Правда любовь получилась без взаимности. Тут начинаются непонятности. Возникает вопросик. Почему, когда все они получили, что хотели, радости им не прибавилось? Почему они не жили счастливо?

Нина – актриса, брошенка, не захотела вернуться к Треплеву – нонконформисту и уже печатающемуся, кстати, писателю, который ее любил и умаялся вернуться. Нет и все.

Вот у того писателя, бросившего Нину и продолжавшего жить с мамой актрисой, сложилось все хорошо. Следовательно, получается, что тем, кому все равно и принципов в жизни никаких – хорошо.

Теперь наша Нинка со своим вечно начинающим нонконформистом, кстати, у него фамилия была Треплов, как она с ним носилась! По всяким издательствам названивала, творческий вечер устроила. Он вышел перед публикой на своем творческом вечере в кожаном пиджаке, Нинкой подаренном и прочитал три стиха. Я на этом вечере тоже присутствовала. Мама, мамочка... Выходит он нафуфыренный такой, гордый, говорит, Чехов сильный дал ему толчок. Читает: «Я золотым листом и ангельским лучом...» и все в таком роде и закончил стихом: «Вы все меня любите, как Христа...» Нинка сидит радостная, довольная такая, глаза просто любовью лучатся, а я думаю: «За что же мы все-то тебя должны любить? Хватит одной несчастной Нинки».

В конце концов, Треплов Нинку бросил. Просто бросил и все. Это я понимаю. Я не понимаю, почему Треплов застрелился! Вот он занимался своим творчеством, и его потихоньку стали печатать в журналах, и даже рецензии на его вещи стали появляться. Конечно, его до конца не удовлетворяло собственное творчество, но это тоже хорошо. Потому что, если творца собственное творчество всегда удовлетворяет, то это настораживает и наводит на всякие нехорошие мысли. У чеховского Треплева все в этом плане было нормально. Он любил Нину – чайку. Это редко бывает – преданность и все такое, но понять в теории можно. Я, правда, таких отношений не встречала, да много ли я вообще чего видела? Мне ли судить?

Вот Нинка моя мне рассказывала, что ей Треплов говорил, какие слова. Он так ей говорил: «НИИНА! Ты моя кровь, жизнь моя, любовь, моя опора, моя надежда, мое все!» А потом он так ей сказал: «Нина, я свободный человек! Отлипни, Нина, больше ко мне носу не кажи. Оревуар!» И наша нечеховская Нина начинает, так ска-

зять, переживать и даже плакать и так говорить: «Вот я была нонконформистской музой, а теперь я чайка, брошенка».

И что же мы видим? Та, Нина чеховская – брошенка и наша Нина нечеховская – тоже. Разница только в том, что чеховскую Нину бросил известный писатель, любовник мамы нонконформиста, а у нас нашу Нину бросил начинающий писатель нонконформист Треплов.

Теперь разберемся, что нам понятно, а что нет.

ПОНЯТНО: Треплев – нонконформист любит творчество и Нину.

Нина любит писателя любовника мамы нонконформиста и творчество. Мама Треплева любит творчество и писателя. Писатель никого и ничего не любит.

Наша Нинка любит начинающего писателя нонконформиста Треплова и творчество. Треплов любит себя в творчестве и без.

НЕПОНЯТНО: Почему, если нонконформист Треплев любит творчество и Нину, Нина не любит Треплева, но любит творчество и писателя, любовника мамы Треплева.

ПОЧЕМУ? Почему Треплев застрелился? Зачем он застрелился, если он любил две вещи, и только с одной ему не повезло? Вот наша Нина любила тоже две вещи – Треплова и творчество. С Трепловым не повезло. Он хоть и был на месте Треплева, но внезапно оказался на месте преуспевающего писателя, любовника мамы. Наша Нина не застрелилась. Она продолжает заниматься творчеством. В стихах про веточки появились какие-то такие пронзительные ноты, что это даже отдаленно на Чехова стало смахивать по настроению. А Треплев застрелился, хотя у них с нашей Ниной оказались в результате минус любовь, но плюс творчество.

В общем, я всех жалею, кроме писателя любовника мамы и Треплева – начинающего писателя нонконформиста. Да, очень жалко Нинок и Треплева, потому, что они оказались чайками.

В СТИЛЕ ФАСБИНДЕРА

И кто бы мог вообще об этом подумать? И даже в страшном сне...

И естественно возникает вопрос – зачем? И конечно, ответа нет, и не может быть, хотя...

А начиналось все совсем по-другому. Все было, так сказать, более или менее, а иногда, фрагментарно даже

обхохочешься и уж, во всяком случае, ни при каких обстоятельствах даже в голову не приходило.

Но есть в жизни, кое-какие вещицы, которые странным, я бы сказала, образом... и об этом в литературе написано-перезаписано.

Началось это давно, совсем давно. В те времена, когда все еще были юные, шальные, такие придурковато-экстравагантные, и каждый по-своему сходил с ума. В один мартовский весенний вечерок в мастерскую великого репетитора по академическому рисунку Платона Платоновича Севашко вошел человек. Сорок любопытных глаз уставились на него, а двадцать внутренних голосов, воскликнули что есть мочи, конечно, про себя: «Вот это штука! Это, наверное, какой-нибудь заморский шейх инкогнито решил нанести неофициальный визит нашему Платону!»

– Зямий Барсигов, – представился человек и шаркнул ножкой.

Народ гыгыкнул. Зямий с улыбкой Джоконды снял с себя черный тулуп и предстал перед пораженной публикой во всей утонченной изысканности.

Он был до безобразия прекрасен. Полированная лысина, маленькие живые глазенки на пухлявом лице, заросшем, не знаю сколько недельной щетиной, как-будто говорили: «Ну что, съели? Вам, поди, слабо?»

Фигурка не то чтобы чудовищно жирная, а скорее плотно-приплотно наеденная, была облачена в ярко-зеленые трикотажные брючата, подчеркивающие каждую складочку упитанных ляжек, и свитерок-самовязку, выполненный в концептуальном духе. Хотя в те времена мы еще таких слов и слыхом не слыхивали. На свитерке был вывязан американский флаг в натуральную величину. Все как положено: полоски, звездочки.

От многочисленных стирок белые звездочки выглядели мутновато. Возникал элемент живописности и некоторой смазанности. В дополнение ко всей этой заморской красоте присутствовали оранжевые ботинки, которые уведили зрителя в «Новые времена» Чаплина, хотя фильмы Чаплина были монохромны, но форма и колорит угадывались несомненно. Один ботинок, как говорится в народе, просил каши. Но я бы определила это по-другому: башмак Зямия корчился от смеха, блестящая двумя передними гвоздями.

Явление такого героя на некоторое время ввело в ступор всех учеников великого педагога Севашко. Они прервали свои штудии и уставились на вновь пришедшего, раскрыв рты.

– Давай, Зямос, не рассусоливай, приступай, – спокойно проговорил Севашко.

И Зямос приступил. Он достал из кармана своего чудесного свитера обгрызенный карандаш, приколот кусок бумаги на планшет и поехал, понесся, поскакал. Народ тоже продолжил рисование, изредка поглядывая в сторону Зямоса.

Зямос рисовал смачно, присвистывая, пригугукивая. Зямос рисовал по-особенному, эдакими залихватскими штрихами. Как потом постепенно выяснилось, он всегда подавал натуру в определенном, так сказать, нелестном виде, в полушарже, с утрированными чертами, с чудовищной ухмылкой.

– Вот поэтому, тебя и не берут годами в институт, – приговаривал Севашко, поправляя и приглаживая рисунок Зямоса. Ты уймись, утихомирься, можно же без этих фиглей миглей, поспокойнее все делай.

Но все увещевания Севашко были тщетны. Зямос рисовал вычурно. Он и жил так с прибабахом, как он сам говорил, в стиле Фасбиндера.

Зямос мне понравился сразу. Он еще и рта не успел раскрыть, как понравился мне. Вид его дикий, рисование с улюлюканьем, это его гадкая дробность, все волновало мой юный ум. Мы очень быстро сдружились. Буквально в тот самый первый день.

Как Зямос умел врать! Какие необыкновенные истории вылетали из него, мама, мамочка, слюнки текли!

Слушая его, невозможно было поверить, что этот человек проживает в крошечной квартире на окраине Москвы со своими родителями и работает в конструкторском бюро чертежником, ежегодно делая попытки поступить в художественный вуз. По его словам, он ежедневно и, кстати, еженощно находится в высоких сферах. Практически каждый день случались с ним удивительные встречи и приключения. Например, он рассказывал, что провел ночь, лежа на алтаре заброшенной церкви где-то в районе Байкала, а над ним склонилась тень отца Гамлета. И тень эта пела Зямосу колыбельные песни абсолютно скабрёзного содержания на мотив колыбельной из передачи «Спокойной ночи, малыши».

Зямос и передвигался не как все нормальные люди. Это был настоящий супермен. Недаром он носил свитер со звездами и полосками.

Ночью на алтаре, вечером следующего дня уже на занятиях у Севашко, к утру его могло случайно занести на Истру.

Там, на природе, с пейзажами и пейзажками он с ходу выпивал семь литров самогона, после чего залезал в медвежью нору, откуда его вытащила одна истринская сердобольная девица, которая сразу же воспылала к нему безумным чувством и страстью недетской. Всю ночь в небольшом шатре на берегу реки они любили друг друга, как звери, а в перерывах плавали, кстати, в замерзшей полынье, которая от их жарких тел становилась все больше и больше и разрослась практически до Можайского моря, куда они к утру добрались легким брасом.

И, слава богу, именно там, уже на Можайском море, приземлился вертолет на водной подушке, который забрал возлюбленных и оттранспортировал в кафе «Иберия», и там, на веранде, под чирикание соловьев (замечу, что дело было зимой), Зямос с «Истринской Венерой» вкушали изысканные вина и ели карские шашлыки.

Денег у Зямоса никогда в наличии не было. Скудной зарплатой чертежника в КБ едва хватало на оплату уроков рисования. Частенько засидевшись у меня в гостях, он стрелял пятачок на метро. Но кто тогда думал о деньгах? Зачем о них думать, когда и без них жизнь протекает в стиле Фасбиндера?

Какие он рассказывал байки обо мне! Чудо, просто плакать хотелось слезами умиления и трепета. После его рассказов народ в художественном институте смотрел на меня с интересом, а некоторые даже подобоострастно. И виделась им после рассказов Зямоса не простая студентка с кафедры интерьера, а эдакая фря мамзель, которая утром, спускаясь со второго этажа своей семикомнатной квартиры в кружевном пеньюаре с канделябром в руке, по-французски просит дворецкого накрыть завтрак в патио.

Ах, Зямос, Зямос! Как быстро пролетели те милые студенческие деньки.

Наши вечеринки, чудо-коктейли в мамином эмалированном тазу, которые мы разливали половником в бокалы. «Котенок на клавишах», фокстроты и танго с обязательным паданьем на стол в салат. Стишки... Да, кстати, о стишках. Зямос любил пописывать стишата в стиле постмодернизма. Тогда, правда, это слово не было особенно в ходу. Мы просто тащились от всего этого, не приклеивая ярлыков. Зямос читал, а мы – компания, подышали со смеху. Надо было видеть Зямоса во время исполнения своих опусов, все поэты, вместе взятые, пусть глотнут слюну там на том свете.

Виделись мы в то время нечасто. В эти редкие, спонтанные встречи, я смотрела на него и не узнавала. Он такие странные вещи стал говорить, для него вообще не характерные. Просто крамолу и пургу какую-то молот, что де надо недвижимость приобрести, вкладывать что-то куда-то, дабы это что-то приносило, что и мне надо немного посерьезнее стать, в конце концов, взять себя в руки и раз и навсегда откинуть от себя все ненужное.

Он до того дошел, что однажды, сидя в моем патио, то бишь на кухне, выпив изрядно водки, провозгласил: «Деньги – это моя кровь!»

Вот так прямо сказал, и это абсолютно было не в стиле Фасбиндера.

И вообще весь этот период его жизни был не в стиле Фасбиндера.

Это было совсем другое кино. Связь с Зямосом установилась, так сказать, односторонняя. Звонил только он, так как сам никогда больше не отвечал на звонки. Дежное кровообращение давило несчастного Зямоса, он постоянно опасался явления кредиторов, разъяренных заказчиков, каких-то поставщиков и, не к ночи будет сказано, чёрти кого в ступе. Но Зямос крепился, он изо всех сил пыжился, покупал какие-то машины, помещения под офисы, грызся на таможне за фуры.

Половину слов, которые он скороговоркой проговаривал мне в трубку, я просто не понимала.

Фасбиндер возник несколько позже, когда Зямос уже о нем совершенно не вспоминал. Это был полный внезапный Фасбиндер, в русском языке называемый несколько другим словом, с окончанием на «ец».

Однажды Зямос позвонил мне и завел какую-то странную беседу о том, что в Бутырской тюрьме нет стекол на окнах, и вообще холод поросячий. А люди сидят в набитых камерах и мечтают поесть лапши «Ролтон», которую можно купить в тюремной палатке каждый день с пяти до восьми часов утра. И я, несказанно обрадовавшись этой чуши поросячьей, которой не слышала от него уже много лет, начала хихикать и говорить, что да, конечно, без лапши «Ролтон», что за жизнь в Бутырской тюрьме?

Зямос пропустив все мои хихиканья мимо ушей, продолжал выдавать некий достаточно детализированный текст:

– Два раза в неделю, а именно по вторникам и четвергам можно передавать фруктовый набор, включающий в себя кило яблок и полкило лимонов. Желательно

тоже с пяти до восьми утра, но лучше к пяти, так как наборы заканчиваются быстро, и, прибыв к восьми, можно ничего не получить.

И тут я, дрожа всем телом, спросила, как бы очень спокойно, так по бытовому, что завтра как раз четверг, и как он, Зямос, считает: нужно ли мне за фруктовым набором и «Ролтоном» идти к пяти утра?

Он сказал, что как раз это и имел в виду, и повесил трубку.

Ранним темным осенним утром, стоя в длиннющей очереди за фруктовым набором в узком коридоре Бутырской тюрьмы, я вспоминала почему-то пасхальный стол у себя в апартаментах, далекую раннюю весну, голубеющее окно, кулич, облитый сахарной глазурью, ромбовидную желтую пасху, густо-красный терпкий кагор в рюмочках и лучезарного Зямоса, декламирующего стихи о безумном столяре, шархнувшем себя обухом по лбу.

LACRIMOSA*

Ну вот, все кончено. Мы расстались. Хотя я это, в общем-то предчувствовала.

Вчера это произошло. Больше не будем вместе никогда.

Оборвалась наша связь.

Я плелась домой расстроенная, подавленная. Шел снег. Как обычно пишут в книжках: снег падал большими пушистыми хлопьями на землю, дома, машины, на безразличных прохожих.

Снег засыпал всю мою куртку, падал на лицо и даже в нос попадал. Занесенная снегом я шла и думала. Мысли текли в одном направлении – все. Все, все, все. Я потеряла его навсегда. Господи, боже мой, как это печально, хотя слово «печально» совсем не подходит. Печально – это легкая грусть, оттенок ностальгии. А у меня – это просто ужасно, чудовищно, непоправимо. Во рту пустота.

Да, что тут скажешь? В голове песня Шуберта «Девушка и смерть».

Пришла домой и легла в постель, включила телевизор. Смотреть невозможно, такая боль.

Мама зашла в комнату, спросила меня:

– Как ты? – и сочувственно погладила по голове. – Ничего, перетерпишь, крепись.

* Lacrimosa – слезная (*лат.*)

Я горько заплакала. Прямо как в русских сказках: присел на камень и заплакал. Правда, я больше себя ощущала Иосифом со старинной фрески. Вот он сидит один-одинешенек весь как-то скукожился, в глазах печаль великая, ну не верит, понятно. По-человечески, очень даже понятно. Фреска называется «Иосиф закручинился». Хорошее слово, оно сразу раскрывает и духовное и физическое состояние. Я закручинилась капитально, свернулась в клубок. Так. В телевизоре как-то было все гадко, невозможно отвлечься. Шел фильм о салоне красоты в Париже. Ну, прямо как нарочно – парикмахерша целовалась с растрепанным парнем, потом поехала на рождественские праздники куда-то в провинцию, и за огромным столом ела индейку и салат. Конечно, я не могла спокойно на это все смотреть. Как на такие вещи вообще можно смотреть в моем состоянии? Тут не только не успокоишься, наоборот, истерика может случиться, или еще что-нибудь, а может еще хуже. Единственным правильным решением было принять снотворное и забыться сном, хоть на часок.

Когда я проснулась, уже наступил вечер. Сразу все вспомнилось, и конечно «по какому поводу увлажнена подушка» и даже не слегка.

Тихо. Не помню у какого-то писателя в рассказе «вдруг стало тихо, как в сундуке». Не очень понятно, почему в сундуке, но образ приятно-патриархальный. Было тихо. Во всех сундуках и кофрах, и из чемоданов ни звука. Правда, чемоданы у нас на антресолях, и точно не могу слышать звуки, из них исходящие, чем черт не шутит. Сундуки и кофры здесь, в них тихо. День давно погас. Эту фразу я уже где-то читала, дальше там был поэтический образ про сумерки, но, к сожалению, я его не помню. Что-то вроде: «и сумерки мглисто-игристые», похоже, хотя и не дословно.

Я вся съезжилась и опять почувствовала острую боль и горечь во рту, прямо физически ощущала его отсутствие. Надо было, как-то собраться, принять анальгин, все-таки жизнь не кончилась. Я существую. Да, конечно, мне больно, мне душно, мне нечем дышать и все на свете лесные цари зовут в хоровод со своими дочерьми и прочими домочадцами. Но этого не случится, не поддамся. В конце концов, это не было, как гром среди ясного неба, набегали же тучки и даже весьма черные тучи.

Этим летом, во время густого смога и запаха «Гарри» я тоже подумала, что все кончено. Сколько было приложено усилий. Никто не спорит, было очень тяжело, все

происходило болезненно и почти на грани, на тончайшей грани. Тогда все обошлось, мы остались вместе, и даже появились некоторые радужные надежды и скромные мечты. На участливые вопросы, задаваемые подругами, я с тихой радостью говорила, мы вместе, он здоров. Я сделала все возможное. Все хорошо. В общем, бдительность моя была полностью усыплена. Тяжело было летом, хотя вечерами городские картины были настолько изысканными. Тусклый свет фонарей, на деревьях серая мгла осела и полностью лишила их объема, превратив в картонные декорации. В душной и дымной Москве мне снились дивные сны, можно даже сказать мне виделись райские кущи и всяческие заоблачные высоты-красоты. Ох, это уже все в прошлом. И теперь такое.

Помню, как-то один «продюсер» заказал мне стихи для песенки. Он был, видно, очень толковый парень и точно знал, какие ему нужны стихи. Объяснял мне так:

– Петь песню будет девушка с длинными волосами и сильно голубыми глазами. Надо такие стихи написать, что бы все сразу заплакали, не услышав их, просто заплакали от предвкушения, или еще от чего-нибудь.

Вот я написала стихи, практически все время плакала, пока их писала, получилось очень. Там были такие слова «И теперь одна, горечи волна захлестнула мое сердце НА-А-А-А-ВСЕГДА-А-А-А».

Продюсеру стихи очень понравились, он взял их и засунул в ящик стола, правда, как потом оказалось, этот день был его последним днем. И сколько я не звонила ему, его не было. С продюсером случилась беда, ЕГО НИГДЕ НЕ БЫЛО. Я звонила в его контору и просила отдать мои жалостливые стихи. Оказалось, что продюсер исчез вместе со стихами. Зачем они ему там? Там надо только одну песню петь, типа, «Я райские кущи ногами топтал». Ну, одну это я уже махнула, многое можно попеть, но с листа, я думаю, там петь не требуется. Хотя, кто его знает.

Так вот, к чему я это – к ГОРЕЧИ ВОЛНА. Я-то думала, что словосочетание «горечи волна» весьма красивая условность. Ничего подобного. Это, как говорят ученые, объективная реальность. Все это я испытывала, лежа в тихом сундуке, то есть в собственной кровати. Но нельзя же всю последующую жизнь провести в кровати, хотя это весьма заманчиво, но как-то нельзя, не принято. Я люблю это выражение УНАСТАКНЕПРИНЯТО. У кого нас? И как так? Ну, ладно.

Мне пришлось встать, одеться. «Смирись, – сказала

я себе, – будь, или как-нибудь, дерзай. Мы все теряли понемногу чего-нибудь...»

В горе своем и тяжких мыслях я очень быстро оказалась на Крымском валу, в святилище искусства, в ЦДХ, в самом центральном доме художников Москвы, бурлящем-говорящем.

Подруги мои были в кое-каком курсе.

За стеклом в маленьком аквариуме, забитом японскими гравюрами, бронзовыми слонятами, львятами, лошадытами, вазончиками, кувшинниками, Буддами и Ганишами сидела Валя. Перед ней топтались две толстые тетищи, практически занимая все пространство галереи «Шлюз». Валя с грустной и слегка иронической улыбкой объясняла тетищам, что китайский веер, который они крутили в руках, не есть произведение искусства, а приобретен в китайском супермаркете за пятнадцать рублей с целью обмахиваться им в жару, так как галерея у нее маленькая и летом бывает жарко, и даже бывает дышать нечем. Тетки не унимались и без усталости теребили веер.

Наконец Вале удалось уговорить их посетить китайский супермаркет, и она кинула на меня участливый взгляд. Но мы и словом не обмолвились еще, как на пороге появился огромный мужик, которому позарез нужен был свиток с очень маленькими птичками. Птички должны были быть очень маленькими, не приведи господи, цапля, или что-то большое. Валя начала разворачивать старинные свитки, но ни на одном из дюжины не оказалось достаточно маленькой птички. Были два воробья, но и они, показались дядьке крупноваты. Он ушел.

– Уф! – выдохнула Валя. – Ну, как ты? Выглядишь неплохо.

– Да что ты! – заныла я. – Какое там «неплохо». Я просто как пыльным мешком...

– Пойдем, чаю выпьем.

Она закрыла аквариум, и мы направились в буфет.

– Валь, только чаю. Я ничего есть не могу, – канючила я. – У тебя нет анальгина? Ты что сегодня одна работаешь? Где Алиса?

Алиса – это Валина сестра, они вместе держат галерею, вместе плавают в аквариуме «Шлюз».

– Да вон она сидит! – показала в угол Валя. – Как всегда работает «скорой помощью».

Алиса ворковала с растрепанной барышней. Мне, конечно, срочно захотелось, что бы она бросила эту барышню и занялась моим утешением.

– Алисочка, – простонала я. – Алис, мы здесь.

Алиса замахала рукой, и вскоре уже сидела с нами за столиком. Откинув назад черные шелковые волосы, она достала пачку сигарет, тонкими пальцами элегантно вынула длинную ментоловую сигарету, красиво прикурив, участливо посмотрела на меня.

– Возьму у тебя одну, Алис, покурю, ладно? А ты уже можешь начинать меня жалеть, – затараторила я.

И от предвкушения, как Валя с Алисой будут меня красиво жалеть, холить и все такое, внутри у меня разлилось мягкое тепло. Я затаилась. «Ох, девчонки, такая боль!» Разговор пошел в приятном русле. Утешительницы мои были настоящими профессионалами, тут и чайник принесли с беленькими чашечками, с лимончиком и кусочком сахара. Алиса слушала все мои ахи-причитания, Валя иногда запевала песнь, по ходу рассказа, типа «замерзал ямщик...»

Господи, хорошо-то как! Боль утихла. Я отвлеклась и начала задавать, так сказать, посторонние вопросы. Что там, в «Китоусе», это галерея так называется, как дела в целом и вообще? Девчонки рассказывали, и все потекло, как по маслу, весьма рафинированному. Да, кстати, сегодня же у Ковальской открытие выставки, вспомнила я. Где же она? Сестра ее не видела.

Как это все некстати у меня случилось! Мысли мои вернулись в страдательную колею – и денег нет, и пусто, и надо что-то решать.

Лето красное пропела, не успела...

С этой стрекозой вспомнилась еще одна трогательная история. Как-то летом пришли ко мне «менеджер» и современный «баснописец». Фамилия у «баснописца» была весьма в басенном стиле – Бабохамов, а у «менеджера» – Ворискин. Тоже, как выяснилось, весьма аллегорическая фамилия. Ну, в общем, они мне картинку заказали для бабохамовских басен. Просили так, по современнее все обтяпать, покрасивше, чтобы басни бабохамовские заиграли новыми радужными оттенками. Басенки эти бабохамовские были чудом. То, что производство современное я сразу поняла, там попадались такие современные слова, о которых я слыхом не слыхивала. К примеру, что могло значить выражение: «Раз с Холодильником такая вышла Маза»? Кто вышел с Холодильником? Куда Маза вышла с Холодильником? Современное искусство – дело очень тонкое. Вышла и вышла. Мазу я рисовать не стала, дабы не допустить какой-нибудь непростительной ошибки, а так Холодильник без

Мазы получился. В общем, я долго разукрашивала творчество Бабохамова, и наконец труд мой был завершен.

Бабохамов и Ворискин прибежали очень быстро. Мы сидели у меня на кухне, пили кофе и они, восхищаясь картинками, говорили, что все сложилось, оформление прекрасное и можно уже сразу, прямо сейчас, идти в издательство. Оба были в приподнятом настроении, бодрые такие, бедняжки, они даже не подозревали, что это был их последний день, в нашем измерении.

Они пропали бесследно. Я звонила им по всем телефонам, которые они мне предусмотрительно оставили. Никто никогда там не отвечал. Опять райские кущи. По прошествии месяца, я решила для успокоения совести еще раз набрать номер мобильного телефона Ворискина. Очень долго никто не брал трубку, и вдруг, о чудо! Я услышала его голос из далекого-далека. Он как-будто не сразу меня узнал, и это понятно, трудно вернуться к житейским реалиям, если ты находишься уже совсем в ином.

– Прошу никогда меня больше не беспокоить, – сказал он натянутым голосом и положил трубку.

Понятно, мне это было очень даже понятно. Только один вопрос сильно волновал меня. Зачем Ворискин взял ТУДА мобильный телефон? Может у него все-таки, оставались какие-то вопросы, которые его беспокоили? Интересно, какие это вопросы? Но перезвонить и спросить об этом я постеснялась.

Прямо передо мной выросли две фигуры. Надя Ковальская и ее дочка Даша. Обе румяные, как в песенке «гимназистки румяные... ля-ля-ля... с каблучков». Наконец-то. Я страдательно-вопросительно посмотрела на Надю.

– Голубушка, у тебя же сегодня открытие выставки, где ты ходишь?

– Покупательница домой приезжала, – оправдываясь, проговорила Надя. – Представляешь, сорок работ купила и еще десять заказала, и для приятельницы покупательницы надо было пяток сделать. Пока Дашка работы заворачивала, я для приятельницы рисовала и звонила багетчикам, чтобы они за десять минут рам пято – шесть сделали. Как ты себя чувствуешь? – Надя жалостливо склонилась ко мне.

– Вот сижу, девчонки меня утешают, немножко уже утешилась, так чуточку, совсем капельку.

Надя тоже стала жалеть и утешать, утешать. Затем велела Даше посидеть со мной, еще поутешать, а сама побежала вверх узнать все ли готово к открытию вы-

ставки. Даша, милая девочка, так учтиво начала меня убаюкивать и спрашивать: что и как, и как и что? Я подробно начала свою историю.

– Видишь ли, Дашенька, – менторским тоном произнесла я, – боль и страдание очень способствуют творческому процессу. Когда у человека ничего не болит, он ничего не чувствует и следовательно, ничего не может сказать в плане творчества.

Даша участливо кивала. Но тут появилась Надя. Вид у нее был крайне растерянный.

– Надя, что?

– Ты представляешь, неприятность какая получилась! Все работы купили еще при развеске. Я уже к багетчикам ходила, они новые оформляют. Слава богу, из дома на всякий случай захватила работ десять, а то бы выставка не состоялась. Придется нам еще полчаса посидеть, подождать, пока новые оформят и повесят.

Мы стали сидеть и ждать. Опять нахлынули грустные мысли. В голове зазвучала Чечилия Бартолли, Вивальди, часть № 11 «Грусть и боль меня сжигают»...

После выставки я вышла на улицу. Опять, как в книжках, падал крупный пушистый снег. Он покрывал черную землю, дома, машины, безучастных прохожих, падал мне на куртку и даже в нос залетал. Во рту все так же ощущалась пустота. Зуба не было. Оборвалась наша связь. Конечно, мы уж не будем вместе никогда. «Ничего, – подумала я, – мир не без добрых людей, не без мастеров своего дела, вставлю металлокерамику. Летом надо было делать, когда залечили, не было бы этих зимних грез и слез». С этим твердым решением я отправилась домой. По дороге боль почти прошла.

ДАВАЙ СПОКОЙНО ПОСИДИМ, Поговорим об Ювенале

Вот в последнее время одна проблемочка меня стала сильно занимать и даже беспокоить. Очень меня волнует наше общение. То есть, как мы стали общаться друг с другом. Не то, чтобы мы перестали общаться – ни-ни. Разговоров происходит очень много и иногда чересчур. Вот к вечеру обычно телефон просто разрывается. А это о чем говорит? Люди общения хотят и все такое, хотят поделиться сокровенным, наболевшим и прочим, и просто узнать, что и как. Не вообще, а конкретно. Или вот,

например, встречаются люди и начинают очень активно общаться, рассказывать, хвастаться, жаловаться и все как положено. А дальше как-то пустоавато получается, когда все в принципе про себя рассказано, вот дальше совсем, как-то пустоавато. Как-то резиново-вытянуто получается. Как-то Н-ДА-А-А, ВОТ-ВОТ и тому подобное.

Вот вы, конечно, помните Евгения Онегина (А. С. Пушкин – наше все). В школе проходят. И там, в этом романе в стихах, там про Онегина. Это в самом начале идет. Как он, Онегин мог спокойно потолковать об Ювенале, в конце письма поставить *vale*, да помнил, хоть не без греха, из «Энеиды» два стиха. И когда читаешь эти строчки, как-то хочется с кем-нибудь об Ювенале поговорить. В конце письма *vale* устарело, его не хочется ставить.

Теперь так, про «Энеиду». Тема часа на два для любителей эпического и размеренного. Но потолковать об Ювенале сложно. Почему? Потому что никто его не читал, а просто так разговаривать о нем тоже не принято. Но, хочется.

Я вот тоже не читала, но как только проблемы все насущные с собеседником обсужу, так эту песню сразу завожу. Мне хочется об Ювенале, и я тихонько так, исподволь завожу, нет, не сразу, а через паузу и перекур. Начинаю так, как бы это вообще, не конкретно. Спрашиваю: «А не кажется ли вам (или тебе – зависит от собеседника), что в стоической сатире, в синкретичном смехе потенциально, или в зачаточном виде заложены множественные виды комического, обособляющегося затем в ходе развития культуры?» Тут, тоже в зависимости от ответа, я начинаю конкретизировать. Так легко говорю, как бы невзначай: «Кстати, Ювенал – это не комическая сатира». Далее разговор может или сразу закончиться, или иметь продолжение.

Первый вариант. Он самый распространенный.

Собеседник говорит:

– Не будет ли тебе кривляться?

Дался нам это Ювенал!

О нем я вовсе не слышал,

Плевал я на него, чихал.

Да и с тобой, мон дью,

Пора давно расстаться.

Труба зовет, рога трубят.

Пора, пора.

Дела стоят.

Второй вариант – неожиданный.

Собеседник поддерживает тему. Начинает как-то живо реагировать, проявлять интерес. Это очень приятно, но опасно. Потому, что я Ювенала не читала ни одной строчки и в запасе у меня есть только два предложения о нем. А поговорить хочется. Очень хочется поговорить об этом. Ну, про две строчки это я махнула. На самом деле их у меня три. Для серьезной беседы должно хватить. Тогда я начинаю опять с обобщений. Из общего всегда легче на частное перейти и все по косточкам разобрать. Я говорю так, затягиваясь сигаретой и хлебнув кофе из чашечки. Тут неплохо прикрыть глаза и, как бы погружаясь в размышление, произнести:

– Маленького человека заметила уже новоаттическая комедия.

И если дальше собеседник просто слушает, то это плохо, а если комментирует, то это очень хорошо. Потому, что у меня остались два предложения. Правда, из одного может вырасти целая отдельная беседа. Сейчас увидите, как это делается. Ювенала волновала проблема маленького человека. (Интересно, в каких формах?)

Вообще надо не лениться, а как-нибудь, ну, не завтра, послезавтра тоже много дел, пойти в библиотеку и что-нибудь взять из его сатиры. А то все время провожу с людьми беседы о нем, и ну просто понятия не имею, как это все выглядит.

Поняли про маленького человека? Куда я клоню? Догадались? Про Гоголя можно поговорить, про Акакия, как его Норштейн удачно в мультике нарисовал, а денег доделать не хватило, как он по Невскому бежал, не Норштейн, а Башмачкин, как он перышком скрипел. Про Гоголя лучше всего закончить трюизмом. Все мы вышли из гоголевской шинели.

А если дальше про Ювенала продолжать? Если проблема маленького человека собеседника не интересует? Люди разные бывают. На этот случай есть последнее, прекрасное предложение, оно же и тема для хорошей беседы. В САТИРАХ ЮВЕНАЛА ЯРКО ПРОСЛЕЖИВАЕТСЯ МОРАЛЬНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ ЛЮДЕЙ.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕМНОГО О СЕБЕ.....	3
К СЧАСТЬЮ	4
НАДЕЖДА И ЛЮБОВЬ.....	5
ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ.....	9
НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ.....	20
ЧАЙКИ.....	26
В СТИЛЕ ФАСБИНДЕРА.....	28
LACRIMOSA.....	34
ДАВАЙ СПОКОЙНО ПОСИДИМ, ПОГОВОРИМ ОБ ЮВЕНАЛЕ	40

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха «СЛОВЕСНОСТЬ»

КАТЯ РУБИНА
Рассказы

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Верстка — Марина Кива
Обложка — Катя Рубина
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 11.11.2011
Подписано в печать 22.12.2011

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75